

Александр Куприн

Жрец



Александр Иванович Куприн

Жрец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2477065

Аннотация

«Доктору Чудинову надоела его городская квартира, с зеркалами и альбомами для развлечения посетителей, опротивели и сами пациенты: вновь заболевшие – испуганные, бестолковые; старые, уже привыкшие – уныло-покорные. И все они казались Чудинову ужасно невежественными, неразвитыми, с детской наивностью, которая так не шла к усатым взрослым лицам...»

Содержание

I	4
II	16

Александр Иванович Куприн Жрец

I

Доктору Чудинову надоела его городская квартира, с зеркалами и альбомами для развлечения посетителей, опротивели и сами пациенты: вновь заболевшие – испуганные, бестолковые; старые, уже привыкшие – уныло-покорные. И все они казались Чудинову ужасно невежественными, неразвитыми, с детской наивностью, которая так не шла к усатым взрослым лицам.

Когда-то эта беспомощность умиляла доктора, заставляла работать; теперь же он, встречая виновато-доверчивый, вопрошающий взгляд больного, делал гримасы и кричал:

– Я не господь бог, поймите вы это раз навсегда. Я – врач, у меня лечебница, а не силоамская купель. Каждому из вас я сто раз твержу: не пейте, даже не нюхайте вина!.. Нет, свое... ну, теперь радуйтесь!..

Случалось, что он бросал на пол инструменты, женщинам говорил дерзости. В больнице его раздражал острый запах йодоформа. А раньше он ему нравился, и жалующимся на

него Чудинов говорил, крепко потирая руки:

– Это потому, что вы не врач... А я нюхаю его и говорю – это здоровье, здоровье... Слышишь этот запах, и работать хочется.

Порою на Чудинова нападала тяжелая тупая хандра, грудь давило тошнотное ноющее чувство, и он проклинал свою известность, которая сделала его одиноким.

– Отчего это у меня? – недоумевал Чудинов и, боясь дать себе давно назревший у него, определенный ответ, принимал бром, успокаивал себя, что он заработался и все это пройдет, как только он съездит за границу. Поделиться мыслями ему было не с кем, так как странным показалось бы и неподобающим, чтобы знаменитый Чудинов, «авторитет», вдруг начал жаловаться на скуку и неудовлетворенность в жизни.

Во вторник на страстной его позвали на консилиум к умирающему паралитику. Посещение богатого знатного дома доктором с такой известностью, которой пользовался Чудинов, могло быть шокирующим, и молодой домашний врач, приглашавший его, объяснил, что для семьи больного Чудинов будет в некотором роде инкогнито.

– Допустим, что ваша фамилия Заславский, или нет, подумают – еврей, лучше Павлов, доктор Павлов... хотя это, впрочем, и не понадобится, вероятно... – говорил молодой доктор, входя с Чудиновым в бесшумно распахнувшуюся перед ними гигантскую стеклянную дверь подъезда на Сергиевской.

Чудинова охватила нравившаяся ему с детства прозрачная и пахучая атмосфера богатого барского жилья.

Лениво потягиваясь, от камина поднялся красавец поинтер и доверчиво тыкался холодным носом в руки раздевавшихся докторов. На овальной вешалке, между ротондами, жакетами, висела шашка в металлических ножнах, несколько военных шинелей. Одна с красной подкладкой и кантами, другая – с вензелями на погонах и орлами на пуговицах.

И это издававшее аромат, брошенное на вешалку платье, странным образом возбуждая мечтательность, говорило Чудинову о владельцах вещей – беспечных, богатых, вероятно, веселых. Оттого, что он не видел их лиц, они представлялись ему интереснее, ярче, типичнее, и у Чудинова шевельнулось чувство, близкое к зависти: почему он сам не гусарский корнет, конфетно-красивый, имеющий успех у этих глупых, но интересных светских женщин?

Подымаясь за лакеем по ковровой дорожке, закрытой полотном и притянутой к отлогой лестнице бронзовыми прутьями, Чудинов думал: «А все же вы зовете меня...»

И то, что он являлся мезью за эту праздную, дразнящую его по временам беспечную жизнь, служило ему злорадным удовлетворением.

Чудинов поймал себя на дурных мыслях и подумал то, что часто думал за последнее время: «Да, это старость подходит... преждевременная старость в сорок пять лет. Раньше все было впереди, теперь нечего ждать, и организм требует

грубых удовольствий, простой, несложной жизни...»

В полутемной гостиной, с тускло блестящей мебелью и зеркалами, молодой коллега Чудинова сказал ему: «Одну минутку, я сейчас», – и бесшумно скрылся за портьерой. Не зная, что ему делать – стоять или сесть, Чудинов ожидал минут пять. Постепенно приближаясь, послышался разговор вполголоса, шелест юбок, и с молодым врачом позади к Чудинову вышла высокая девушка в черном, с той уверенной манерой держаться, которая дается воспитанием.

– Простите, мама не совсем здорова, – заговорила она, подавая Чудинову руку без замедления и просто, как здороваются с людьми, позванными по делу. – Я не знаю, право, как быть... Папе теперь немного лучше, он уснул, и доктор Штроок не велел его будить, но мама, если вы позволите, имеет еще к вам просьбу... осмотреть моего больного брата... Может быть, пока папа проснется, вы употребите на это время...

Чудинов угловато и сдержанно поклонился.

– Тогда пройдет... – Привычным движением носком ботинки она откинула длинное завернувшееся наперед платье и, подобрав его, пошла впереди, легко посту кивая каблуками.

У Чудинова мелькнула мысль, зачем она нужна, когда здесь домашний врач, но сейчас же он понял, что это просто та любезность, по которой его не желали заставлять ждать и выдумали еще больного...

Незаметными, сделанными под обои боковыми дверями они вышли из зала и по трем ступенькам спустились в теплый коридор, далеко лоснившийся своим дубовым паркетом.

Потолок здесь был ниже, и Чудинов вместе с каким-то закулисным запахом краски и старой мебели, идя рядом с молодой девушкой, ощущал острый дразнящий аромат сильных духов, и беспокойное чувство, которое они сообщали, усиливалось шелестом юбок. Чтобы объяснить некоторую дальность пути и подготовить доктора, она говорила:

– Я должна сказать вам – брат мой всегда болен, то есть он болен от рождения... он страдает слабоумием... любезностью, ясно поглядывая в глаза доктору, и так просто и спокойно, как сообщают о насморке, лихорадке.

Чудинов с учтивой готовностью в глазах покачивал при каждом ее взгляде головой, точно ему очень приятно было слышать, что брат его шуршащей шелком, пропитанной духами собеседницы страдает идиотизмом.

– Раньше он был очень спокойным, – говорила она, – теперь же несколько месяцев страшно волнуется. Маман очень встревожена. Если так продолжится, его придется отправить в лечебницу. Недавно укусил за руку сиделку... Вот здесь, направо...

Свернули еще в боковой полутемный коридор. В конце его желтым пятном светила лампочка. Здесь уже тянуло холодом, пахло крысами и чем-то подпольным. Откуда-то из

глубины коридора неслись странные рыкающие звуки и чей-то визгливый женский голос не то бранил, не то убеждал кого-то.

– Он страшно беспокоится, – оправдываясь за помещение, говорила барышня, передергивая от сырости плечами. – Иногда ужасно кричит...

Рыканье вперемежку с каким-то поросычьим визгом слышалось близко.

– Видите, чем-то недоволен, – сказала она, остановившись у двери, и постучала в светлый квадрат стекла, завешенного белым.

В двери высунулась женская голова в батистовой наkolке.

– К вам можно? я с доктором...

Голова исчезла, и через несколько минут дверь распахнулась, и открывшая ее сиделка посторонилась, давая дорогу...

Вошедших охватил спертый кислый воздух, и самолюбие Чудинова неприятно тронула мысль: «Как мало эта девушка интересуется им, как человеком, как мужчиной, если без особой нужды сама пришла сюда».

У стола, привинченного к полу железными кошками, в кожаном истрепанном кресле сидела огромная голова, подвязанная салфеткой. Рыканье замолкло, и в вошедших впились два белесых глаза, казавшиеся страшными отсутствием ресниц и бровей. Широкий, прямо разрезанный мокрый рот раздвинулся, обнаруживая желтые, клыковатые, лезшие вперед зубы, голый подбородок блестел слюной. На полу ва-

лялись игрушки, сделанные тяжело и прочно.

Рядом с креслом идиота стоял слугитель, крепкий парень с ослотившим, глупо-смущенным лицом. И на нем, и на сиделке, и на всей грязной, поцарапанной, упрощенной обстановке лежал отпечаток какой-то обособленной бесправной, не своей жизни. Казалось, эти нездоровые лица прислуги заражены были безумием и отверженностью, живущими в этой комнате...

– Ну здравствуй, Дима, – утрированно весело заговорила сестра, первой направляясь к брату. – Что ты, ужинаешь?..

– Он немного понимает, – тоном демонстранта сказала она, оборачиваясь к Чудинову, и вслед за этим рыканье наполнило комнату.

Идиот тянулся к сестре, вскрикивая в промежутках между хрюканьем:

– Дай, дай... бба бба... д-а-д-а-й...

– Что он хочет? – тревожно спросила девушка, обращаясь к сиделке.

– Вот как видите... – ответила сиделка, – целый день сладу нет. Сегодня с утра связанный сидит...

– А вы давали то, что я вам оставил?.. – озабоченно спросил домашний врач.

– Да как ему дашь? видите...

– Гры-гры, дай, дай, ба, ба, – кричал идиот. Он схватил со стола суповую эмалированную чашку и бил ею по столу.

– Григорий, возьмите же чашку... да что вы смотрите!..

– Дай, дай – гры, гры.

Дикий гик наполнял комнату, мешал говорить.

– Ну зачем же сердиться, не надо кричать, – говорил молодой врач, подходя к больному, но голос его раздавался слабо, заглушаемый, как на улице.

Идиот, обходя врача, тянулся к сестре и бил под столом ногами. Врач пожал плечами и вопросительно посмотрел на Чудинова.

– Я думаю, пока он не успокоится, без горячечной рубашки не обойтись... ведь он весь избился.

Чудинов подумал что-то свое и, не отвечая коллеге, попросил выйти сестру идиота и сиделку.

На минуту идиот умолк, большая голова, как у заводной куклы, поворачивалась, ища чего-то глазами... Потом раздался сорвавшийся пронзительный визг. Идиот уперся в стол ногами, и тяжелое кресло опрокинулось вместе с ним набок.

– Давай еще полотенец! – кричал служителю молодой врач, барахтаясь на полу с пытавшимся подняться идиотом.

– Нет, он положительно становится опасным, – говорил запыхавшийся доктор, оправляя сломанные манжеты, когда идиота связали и вкатили в смежную комнату.

Оттуда слышался придушенный, задыхающийся стон.

– И силища какая!..

– Сколько ему лет? – спросил Чудинов.

– Кажется, двадцать... Вы полагаете, что это...

– Убежден даже... женскую прислугу, во всяком случае, надо убрать.

Чудинов не договорил, как в коридоре послышались встревоженные голоса, дверь распахнулась, и в ней вырос перепуганный бледный лакей в странно не идущем к этой обстановке коричневом фраке с золотыми пуговицами.

– Пожалуйста к барину. Очень худо... – проговорил он, переводя дыхание.

С той озабоченной бесцеремонностью, с которой врачи держатся в квартире умирающего, они шли через комнаты, где суетились люди и слышался испуганный шепот...

Чудинов, торопясь в той мере, сколько этого требовало приличие, шел за своим коллегой и по временам думал, что все это глупо, не нужно и напрасно он поехал на этот консилиум.

В комнате, предшествовавшей помещению больного, Чудинов по свежему сквозняку, женскому истерическому плачу и по тому, как лакеи с глупыми, подделанными под испуг лицами свободно входили в дверь, откуда несло лекарствами, понял, что все кончено. Батюшка с растерянным лицом снимал епитрахиль. Что-то выносили и просили посторониться.

К домашнему врачу подошел молодой гвардейский офицер. Он закрыл глаза, кивнул головой и проговорил: «В месте светлом, в месте злачном»... Второй удар во сне, и его даже не успели приобщить.

– Бедная Зина, она так любила отца...

Молодое лицо офицера светилось сдержанным печальным оживлением и, казалось, говорило: «Да, вот бывает же так, что умирают люди».

В разговоре офицер два раза взглянул на Чудинова, покраснел и нерешительно качнул корпусом. Потом ниже наклонил голову и, точно от удара плетью, быстро повернулся и отошел.

Чудинов, видевший много раз этого человека в своем кабинете голышом, смутился тяжелым неловким смущением пожилого солидного человека.

Пощупав без нужды в кармане стетоскоп, он беспомощно посмотрел на молодого врача.

– Выведите меня, ради бога, из этого лабиринта, – сказал он упавшим голосом.

– Сейчас, сейчас, – шепотом ответил тот, ища кого-то глазами.

В комнату вошла толстая заплаканная дама. Всхлипывая, нюхая спирт, она в то же время отдавала приказания шедшим за нею лакеям.

По тому, как домашний врач, быстро подойдя к ней, зашептал что-то, наклоняясь, и дама торопливо опустила руку в карман, Чудинов понял, что его задерживают, желая уплатить за проезд.

И, как в первое время своей практики при получении гонорара, он вдруг почувствовал мучительный горячий стыд.

Сморщившись, втянув голову в плечи, он отвернулся и, стиснув зубы, обливаемый теплом внезапной ярости, подумал: «Проклятая... отвратительная профессия, подлая, гадкая. Всем людям за их труд платят открыто, как следует, а здесь суют в руку крадучись, непременно бумажку, и конфузятся чего-то. – Да и за что мне здесь платить?»

Решивши не стесняться, он круто повернул и, глядя под ноги, пошел к выходу.

В той суматохе, которая бывает в домах, где только что умер человек, на Чудинова никто не обращал внимания, и он шел, большой, высокий и мрачный, с таким видом, точно решил прибить всякого, кто станет на его дороге.

В знакомом Чудинову зале, у рояля на низеньком табурете, сидела девушка, сестра идиота. Согнувшись, она закрылась платком, и стан и плечи ее вздрагивали. Возле стоял офицер и в замешательстве, не зная, очевидно, что ему делать, время от времени касался рукой волос девушки.

На лестнице Чудинов услышал за собою торопливое бряцанье шпор и, обернувшись, увидел покрасневшие, робкие и просящие глаза.

– Ради бога, доктор, – проговорил, захлебываясь и давясь, офицер, – когда я могу вас видеть?..

Чудинов осмотрел его с головы до талии тяжелым, неприязненным взглядом и глухо сказал:

– Зачем?

Офицер заволновался.

- Ах, доктор, мне очень, очень нужно с вами поговорить.
- Чудинов повернулся и, уже не оборачиваясь, сказал:
- Если очень нужно, когда хотите, сейчас, завтра...

II

Когда Чудинов по вечерам возвращался домой, его всегда неприятно настраивала темнота и безлюдная гулкость огромной квартиры.

– Точно депо какое, – сердился он на свое жилище. Медля раздеваться, он обыкновенно просматривал в передней корреспонденцию и визитные карточки и недовольно бросал старику лакею:

– Говорил, не пускать этого больного! – или: – Зачем мне присылают объявления о всяких дешевых предметах и зеленных лавках? Выбрасывать к черту! – И чем терпеливее был слуга, тем больше сердился хозяин.

Переодевшись в просторную серую тужурку и меховые туфли, Чудинов велел затопить камин и принести чай. Потом достал из гардероба музыкальный ящик, долго перебирал железные шершавые кружки пьес и поставил «Дунайские волны».

Это развлечение Чудинов придумал себе в последнее время и почему-то стеснялся его даже перед прислугой.

Мелодичное треканье инструмента, похожее на бульканье дождевой воды, напоминало Чудинову губернский городской сад, где он гулял семинаристом, рождественские вечера в общественном собрании и многое другое, чего он ранее не ценил и считал обыкновенным, а теперь эти воспоминания

нения вызывали в нем щемящую сладкую грусть. Однажды, осматривая светскую барышню, перепуганную, растерявшуюся, с распухшими от слез глазами, Чудинов вдруг поднял голову и серьезно спросил:

– Вы какими духами душились?

Этим вопросом он удивил и себя и пациентку, а потом купил флакон апопанаксу и по вечерам, слушая «Дунайские волны», сидел и нюхал надушенный платок. В такие минуты Чудинов думал: «Сколько лет это было назад?» Насчитывал двадцать два, двадцать пять, сбивался и опять считал. И мысленно, пересчитывая вновь длинную вереницу годов, он невольно подводил итог тем радостям жизни, которые он постепенно терял.

Вот скоро пасха... Как это было радостно в прежнее время и как безразлично теперь. Пасхальная ночь... такая веселая, беспокойная ночь – а каникулы, ночевки на сеновале... Вспомнились ему первые студенческие годы. На вакациях он жил однажды у добрых стариков помещиков, приготавливая их внука в кадетский корпус. В комнате, которую отвели Чудинову, на окнах висели белые невинные занавесочки, а по стенам старые, в лиловых рамках с золотым бордюриком иллюстрации к «Евгению Онегину». Здесь всегда пахло сухими васильками, ореховой оклейкой мебели и чем-то старым, удивительно покойным. И часы тикали, как будто говорили: здесь хорошо, здесь хорошо.

Утром, с первыми лучами солнца, за окном на бузине и

кустах сирени воробьи подымали возню. Было еще рано, стоял утренний холод, но Чудинов вскакивал с таким чувством, как будто боялся что-то пропустить. Часто, не одевшись еще, радуясь своей молодости и июньскому светлому утру, он отплясывал по комнате трепака и потом, улыбаясь сам себе в зеркало, оправленное в облупившуюся раму красного дерева, говорил:

– Вот дурак, не правда ли?

Да, вот и все. А потом тяжелая лямка, каторжный труд, греческие кухмистерские и одиночество, одиночество, одиночество... Теперь ему уже под пятьдесят; он известен, деньги, при желании, потекут к нему водопадом, но у него нет ни друзей, ни близких, даже нет просто хороших знакомых. То, что другие тратят на устройство своего личного, теплого логовища, – энергию, смелость, молодость, даровитость, он отдал «святому служению науке». Да-с.

Волны Дуная от края до края,
Тихо играя и тихо сверкая... —

фальшиво, в нос, с какой-то горькой злобой мурлыкал Чудинов. Далеко в передней затрещал звонок. Чудинов настоужился и, когда услышал, что лакей разговаривает с кем-то посторонним, поспешно спрятал музыкальный ящик в шкаф. Обыкновенно, бывая по вечерам дома, Чудинов отдавал приказание никого не принимать, но на самом деле это

была одна форма, так как на все звонки он выходил сам. Бессознательно ему казалось, что среди этой массы осаждавших его посетителей, просящих, спрашивающих, он пропустит кого-либо интересного или просто нового. Так, однажды к нему пришел старый священник – его товарищ, в другой раз его ученик – инженер.

Старик лакей выпроваживал уже посетителя на лестницу, когда в переднюю вошел Чудинов и недовольно спросил:

– Кто там?

Из дверей с Чудиновым смущенно раскланялся молодой врач, возивший его на консилиум.

– А я думал, офицер, – сказал Чудинов, – что ж, входите.

Раздеваясь и чего-то конфузясь, доктор объяснил, что он привез гонорар и приехал, «собственно, на минутку».

– А я предполагал, что ваш покойник воскрес и вы опять собираете консилиум, – попытался сострить Чудинов, но вышло тяжело и непонятно... Молодой врач улыбнулся из приличия и протокольно начал объяснять конечную причину смерти его пациента.

Выходило так, что его в чем-то не послушали, сделали горячие ванны, и оттого смерть наступила раньше, чем следовало ожидать...

Чудинов долго смотрел на гладкий лысеющий лоб молодого доктора, на его усталое нездоровое лицо и вдруг, перебивая его речь, спросил:

– Скажите, пожалуйста, вы были в Италии?

Доктор не ожидал этого вопроса и потому, осекшись, почти с тревогой сказал:

– Нет, а что?

Чудинов помолчал, побарабанил пальцами и потом уже ответил:

– Хорошо там, должно быть...

Доктор внимательно посмотрел на Чудинова и, чтобы не удлинять паузы, сказал:

– Вы тоже не были?

– Не был...

Помолчали...

– За границей я был только в Германии, – начал молодой врач, но Чудинов перебил его с насмешливым огоньком в глазах:

– И конечно, учились?

– Да, я слушал у профессора Вагнера и работал в Берлинской королевской клинике...

Чудинов шумно встал и возбужденно заговорил, шагая по своей большой приемной:

– Послушайте, вы говорите все не то. Скажите лучше вот что. Вы сколько лет практикуете? Десять, двенадцать?.. восемь?.. ну, это все равно. Скажите мне, пожалуйста, искренно, – только скажите, зачем вы все это делаете?

– То есть что делаю? – испуганно и недоумевающе спросил доктор.

– Ну, вот ездите там по больным, лечите или работаете в

клинике и прочее...

Доктор пожал плечами и, запинаясь, нерешительно проговорил:

– Мм... я, право, не совсем хорошо вас понимаю, Варнава Дмитриевич. То есть я, как это сказать, я люблю свою науку.

– Ну, какую там науку, – закричал Чудинов, – это давно всем известно, что наше дело пользуется только услугами науки, а само по себе ремесло, высшее, может быть, но все же ремесло...

– Я с вами не согласен... – осторожно вставил доктор. – Мнение, которое только что вы высказали, действительно, в последнее время...

– Да что там мнение, – грубо перебил его Чудинов, – вот вам лучшее доказательство ненаучности медицины, – всякая наука имеет свою философию.

Скажите, пожалуйста, какая философия у медицины?

– По-моему, очень большая и, если хотите, на мой взгляд, этически-нравственного порядка...

– Так? – сказал Чудинов, круто останавливаясь перед своим собеседником. Как человек долго и мучительно думавший об одном предмете, он не следил уже за мыслью говорившего с ним и только хотел высказаться.

– А я вот, как старый врач, – продолжал он опять, зашагав по комнате, – объясню вам всю эту философию, которую я вынес за двадцать лет моей врачебной практики. Я буду говорить просто и кратко, вы не пугайтесь.

Я не знаю, как у других там было, а у меня так: никакого призвания у меня к медицине не было, да и сомневаюсь, чтобы оно у кого-нибудь вообще было. Так, выбрал медицинский факультет, потому что нужно было что-либо выбрать. Учился я из самолюбия, заинтересовывал себя технически, как шахматами. Из самолюбия же решил во что бы то ни стало добиться чего-либо. Ну, потом все окружающее понемногу вдалбливало мне в голову всякую труху: «польза ближнего», «страдания больного брата» и прочее. И вот я пошел этой дорогой с добросовестностью старого вола, а когда прошел ее почти всю, то вдруг увидел, что меня обманули. Обманула жизнь, обманули люди, и обманули самым мошенническим образом. Казалось так, что чем больше я отдамся, тем больше мне дадутся? Астроному, философу, математику уплачивается хоть тем, что он что-то побеждает, проникает в области, возвышающие душу человека. Скажите, что дает врачу медицина? Я всю жизнь только лечил, лечил и лечил. По лицам этих больных людей я видел, что они жили своей счастливой личной жизнью и приходили просить меня: «Возврати нам опять эту утраченную жизнь».

И я возвращал и продолжал лечить без конца, а своя жизнь уходила безвозвратно. И вот уже ушла. Чудинов остановился, подергал себя за клоч серых седеющих волос и повторил:

– Ушла... а человек живет только раз.

– Вы скажете, – заговорил Чудинов тише и спокойнее, –

почему я не сочетал свою личную жизнь с вашей так называемой наукой? Потому, что я был очень добросовестным ученым, – это раз, а второе – я очень любил жизнь и потому боялся ее, как врага науки. И я продал жизнь за какой-то призрак. Я банкир, раздавший все по долгам и ничего не получивший обратно. Зачем я вожусь, пачкаюсь с этими гнилыми, дохлыми людьми, моими пациентами? Чтобы они воспроизводили на свет идиотов, подобных тому, которого мы с вами только что видели... Кто этот офицер, который говорил с вами, – сын покойного? родственник?

– Это жених дочери, – печально и не глядя на Чудинова, ответил доктор.

– Так, так. Я и думал, – радостно закричал Чудинов. – Вы врач, и я вам скажу – ведь это тоже мой пациент. Понимаете? Так вот, не угодно ли, миленькое потомство получится, а – не правда ли?.. Так зачем же, скажите, зачем я этим мерзавцам жизнь-то отдал?.. Чтобы сделать их способными расплодить идиотов.

В это время опять затрещал входной звонок, Чудинов пошел в переднюю, а молодой врач, смущенный всей этой неожиданной тирадой знаменитости, нерешительно взялся за шапку.

Стоя посреди ковра, ожидая возвращения хозяина, он слышал, как Чудинов, повышая голос, начал кричать на кого-то, потом закончил:

– Вон!.. сию же минуту вон!

Входная дверь хлопнула, и Чудинов возвратился усталый, бледный, с опустившимися углами губ.

– Я, кажется, разволновался и наделал глупости, – сказал он упавшим голосом. – Сейчас выгнал этого офицера...

По настоянию молодого врача Чудинов лег в постель и принял бром. Прощаясь с коллегой, он задержал его руку в своей и, чтобы смягчить все слышанное им, сказал, криво улыбаясь:

– Жрец сошел с ума. Пожалуйста, напишите и объясните все этому воину, а то он, чего доброго, еще на дуэль меня вызовет.

С.-Петербург,

4 апреля 1905 г.